

Е. И. Шадрина

Миграция из Центральной Азии и Казахстана в Алтайский край в 1990–2010 гг. через призму социальной памяти*

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье анализируется процесс формирования и развития социальной памяти мигрантов из Центральной Азии и Казахстана на постсоветском пространстве на основе источников устной истории, созданных в ходе историко-этнографической экспедиции в Алейском районе в июле 2022 г. При рассмотрении актуальных проблем миграции, удалось выяснить, что социальная память мигрантов из разных советских республик повторяется в сюжетной линии, также, как и триггерные точки стали началом формирования травматической памяти. Исследованием выявлено, что такая память живет на протяжении трех поколений. Также было обозначено, что одной из причин «закрытости» и замалчивания данной проблемы стала боязнь публично высказываться и игнорирование «официальной» историей данных проблем. **Ключевые слова:** социальная память, травматическая память, память поколений, миграции, постсоветское пространство, устная история, полевые исследования.

Несмотря на быстрое развитие исторической науки, некоторые страницы истории остаются вне сферы внимания общества. Одна из причин этого – нехватка источников, при этом опубликованная на сегодняшний день информация, по сложившейся традиции, базируется на официальных статистических и демографических источниках. В таких условиях настоящая история, или «история снизу», остается вне «официальной истории». Ликвидировать пробел можно благодаря развитию устной истории в Алтайском крае. Устная история позволяет писать об актуальных проблемах общества, о которых люди молчат в силу ряда обстоятельств и которые не нашли отражения в публикациях. Одной из таких проблем стала история миграции русского населения из Центральной Азии и Казахстана на постсоветском пространстве.

Исследований по этой теме опубликовано мало. Работа, связанная с развитием устной историей постсоветских миграций, принадлежит Г. В. Кидяевой. Автор рассматривает причины переезда, проблемы выбора переселенцами будущего постоянного места жительства, трудности переезда и адаптации [1]. Ее публикация основана на устных исторических источниках, созданных сектором устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения БГПУ (АлтГПУ) в ходе историко-этнографических экспедиций по Алтайскому краю в

* Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Т. К. Щеглова.

2002–2005 гг. (руководитель Т. К. Щеглова). Галина Владимировна, используя интервьюирование и изучая эмпирический опыт людей, обосновала актуальность изучения проблемы миграций. Используя метод анкетирования, она составила картину половозрастного, численного и профессионального состава переселенцев, положив начало работе по изучению закономерностей процесса миграции в Алтайский край.

Собранные устные исторические источники дают полное основание считать тему миграций актуальной, поэтому данное исследование посвящено именно ей. История миграций включает в себя много вопросов, но в настоящей статье мы рассмотрим некоторые обстоятельства, вынудившие мигрировать в Россию людей, многие из которых родились в местах исхода, где учились, работали, дружили. Использование материалов устной истории занимает в этих исследованиях основное место. В данной статье автор уделяет внимание «местам травмы» в социальной памяти. Она подготовлена на основе интервью, записанных в ходе историко-этнографической экспедиции, проходившей в июле 2022 г. в Алейском районе на территории сел Красный Яр и Боровское. В продолжение темы предыдущих экспедиций была проведена работа по изучению социальной памяти мигрантов. В основу статьи положены 4 интервью, опрошено 10 респондентов*.

Одной из групп информантов была семья из двух поколений (женщина 1930 г. р., ее сын и его жена), прибывшая из Чимкентской области Казахстана. В этой семье бабушка была преклонного возраста, пережила трудности военного времени, проработала всю жизнь на заводе, ее сын и жена родились там и мигрировали в 1996 г. Приехали они в новогодние дни, когда на улице стояли сильные морозы, на руках у молодой пары были два мальчика-близнеца, и они испытали на себе все тяготы миграции. Другая информация была получена у семьи из Иссык-Кульской области Киргизии (жена и муж, их дочь, внучка и невестка). Женщина (1959 г. р.) из Узбекистана (г. Андижан) – уроженка республики; как и ее мама, она получила там образование, вышла замуж, родила сына, работала, но обстоятельства вынудили уехать. Еще один респондент – женщина (1948 г. р.) из Казахстана, проработавшая всю жизнь на предприятиях. Все респонденты разного возраста, имели разный социальный статус, жили в разных республиках, мигрировали в разное время, у каждого из них была своя семейная история, не похожая на другие, при этом у них всех в памяти остались сходные

* Материалы интервью хранятся в архиве Центра устной истории и этнографии. По требованию респондентов в самой статье дается их характеристика без упоминания их личных данных с указанием только мест их проживания.

проблемы и переживания, которые волнуют их даже спустя время. Содержательно их истории очень сходны, объединены одними причинами, обстоятельствами переезда.

Предметом исследования являлась социальная память переехавших на Алтай семей. Подводя итоги характеристики респондентов, отметим, что в соответствии с концептом памяти (Алейда Ассман) и категориями респондентов – носителей памяти их информация строится по законам развития «памяти жертвы». Важной ее составляющей становится сюжет, события, которые пережили люди. Если брать групповые интервью, то можно увидеть, что социальная память формировалась на протяжении трех поколений бабушки/дедушки, дочь/сын, внук/внучка. Как правило, участниками миграций было первое и часть представителей второго поколения; третье поколение воспроизводит ситуации с пересказа первых поколений. Некоторые моменты оставили только негативные, а порой и трагичные воспоминания. На их основе и формируется травмированная память респондентов, являвшихся «жертвами» произошедших событий. Триггерными точками стали эпизоды гонений со стороны представителей коренных этносов, когда людей вынуждали уезжать из страны только потому, что они родились русскими. Важным моментом становился переезд, связанные с ним юридические проблемы, трудности с перевозкой вещей; эти невзгоды усугублялись моральной травмой. Людям, как правило, приходилось уезжать из мест с налаженным бытом, где не нужно топить печь (из интервью горожан), где приятный климат, на приграничные территории – в Алтайский край с его суровыми зимами. Когда переезд приходился на зимнее время года, это вспоминалось как трагическое переживание.

Материал собирался в несколько этапов; встречи с информантами были настолько содержательными, что беседовать с некоторыми приходилось не один раз. Для всех собранных источников характерен высокий эмоциональный накал: очевидно, что эти сюжеты не «остыли» в памяти людей, каждое воспоминание о них вызывает у информантов слезы и новые переживания. Работа в экспедиции по сбору устных исторических источников позволяет иметь дело с «настоящей», «правдивой» историей; как отмечает Т. К. Щеглова, «в устных исторических источниках наибольший интерес представляют все же не сами факты, а их оценки, представления о них, а также социокультурная, этноконфессиональная, ментальная и психологическая информация, отраженная в эмпирическом опыте человека – участника исторических событий, явлений, процессов» [2].

Тема миграций после распада СССР еще долго останется актуальной, потому что она создала большой пласт информации, кото-

рый сохранился в памяти людей, и этот важный процесс можно рассмотреть через призму человеческой памяти. Можно отметить подход В. А. Шнирельмана, который изучал теоретические вопросы социальной памяти, ее разновидности. Он проследил, чем обусловлено появление социальной памяти, показывая, что одним из источников для нее являются воспоминания из детства. В нашем исследовании также приведены воспоминания респондентов о детских и юношеских годах, их взаимоотношениях с коренными жителями республик; о семье, ее социальном статусе (характер социальной памяти определяется принадлежностью к семье, сложившимся отношениям между родителями и детьми т. д.); групповой принадлежности по какому-либо признаку. Поскольку после распада СССР повысилось национальное самосознание, в исследовании можно уделить внимание меняющимся взаимоотношениям между этническими группами. На возникновение социальной памяти мигрантов повлияли многие факторы, которые сформировали особую сюжетную линию в памяти людей или даже поколений. В. А. Шнирельман писал: «Доминирующее большинство менее склонно постоянно подчеркивать свою этническую идентичность, как это делают этнические меньшинства. Поэтому и социальная память у доминирующего большинства несколько ослаблена по сравнению с меньшинствами. Зато для последних этничность служит в наше время важным ресурсом в борьбе за социальные и политические права или за доступ к каким-либо особым льготам (особенно в условиях аффирмативной политики)» [3].

На основе сказанного можно предположить, что из-за пережитых трудностей, проблем, перелома жизненного уклада люди, прибывшие в Россию, в большей степени, чем остальные, сохраняют социальную память, которая базируется на эмоциях «жертвы событий». Материалы экспедиции демонстрируют, что социальная память о миграции в семьях начинала формироваться с момента появления мыслей о переезде, продолжает жить и передается из поколения в поколение. Так, дети, которых увезли из республик совсем малолетними, интересуются историей переезда, причинами, обусловившими переезд, и т. д., потому что родители, бабушки и дедушки обсуждают эту тему.

В. А. Шнирельман выделил такую разновидность памяти, как индивидуальная, указывая, что такая память часто расходится с версией прошлого, которая навязывается людям по официальным каналам. Скорее всего, такое восприятие индивидуальной памяти вызвано с замалчиванием проблем, связанных с миграциями, как в государственной политике, так и в отечественной и зарубежной историографии, которые вызваны издержками процессов суверенизации, без проработки

правовых вопросов, в том числе вопросов взаимоотношений титульного этноса с переселенцами, что провоцировало с его стороны давление на иноэтничных граждан, в частности на русских. Память сохранила не только факт переезда, но и сложные обстоятельства адаптации к новым условиям жизни, проблемы, связанные с преодолением юридических формальностей, и т. п. Становится ясно, что на формирование индивидуальной и социальной памяти в значительной степени влияет государственная практика и политика.

Патрик Хаттон пояснил разграничение этих двух видов памяти, указывая, что социальная память преимущественно принадлежит не индивиду, а группе [4]. При работе с материалами, собранными в экспедиции, можно увидеть похожие моменты жизни людей, и это можно назвать социальной памятью группы мигрантов, которая и составляет наш объект исследования. В данном исследовании автор ограничивается сюжетами миграции. Сам этот процесс сохранился в памяти людей как травма, а она порождает страх, чувство незащищенности и провоцирует молчание. Похожий сценарий встречался в повседневности у совершенно разных людей, прибывших из разных республик в разное время. У всех информантов в памяти остались межэтнические конфликты в постсоветское время, проявления возникшего неравенства в постсоветских республиках, государственная политика, направленная на вытеснение русского языка и его носителей.

Триггерной точкой для решения об отъезде в Россию стало обострение отношений между русскими и коренными жителями республик. Можно видеть, как повседневные бытовые проблемы переплетаются с психолого-ментальными и оставляют неизгладимый след в памяти людей. Характерный пример: «Вот до распада мы жили – такой 24-квартирный дом, сверху казахи жили, а мы внизу в трехкомнатной квартире, и у каждого был участочек земельный такой – половина наша, половина их. Я розы разводила, под окном, все так красиво! А она (казашка) затоптала розы. Я говорю: ну что вы? А она ответила: „Ваша земля в России, тут вашей земли нет!“ Было настолько обидно, до сих пор помню этот момент. Вот тогда началось. До распада все друзья были, казахи, узбеки – нас такой коллектив был – немцы, украинцы, армяне, турки, да там все были. Как распалось, это ужас случился для всех...». Эта женщина переехала в 1995 г., прошло уже 27 лет, но при вопросе о переезде она первым делом рассказала об этом случае, который оставил травмирующий отпечаток.

Нередко встречались рассказы про организованные митинги, демонстрации, движение коренных жителей против приезжих, причем не только русских: «До 1991 года отношения с коренными жителя-

ми были отличные, а потом же волнения у нас начались в Андижане в 1990 г., там же выборочно жгли они дома армян, евреев; русских не трогали, говорили, что они сами убегут. Ну вот мы стали сами бежать. Мама в 1993 году уехала. 1993 год 1 мая жгли город, у них матч был, в старом городе. У нас там есть стадион „Спартак“, там у нас шел матч футбольный. И они либо договорились, молодежь шла с предводителем кучей, предводитель нес список, и дома они многие поджигали. Они считали, что их места занимают, что они живут в кишлаках, им работать негде, а евреи обувь делают, сапожники, армяне газировку продавали, они считали, что их места занимают. „Пусть едут к себе“, —, говорили. Русских не трогали: испугаются и сами убегут».

«Помню, мы маленькие были, мама послала нас за хлебом, ходили и был праздник, Киргизии сколько-то лет, и они восстали. И пацаны с ножичками бегут и орут: «****, мы ночью вас вырежем». Я до сих пор помню, знаешь, как бежали с Маринкой от них. Мама успокаивала, рассказывала, что заваруха началась, что киргизы выгнать хотят. Я сама помню: отец на шахте ночью, выламывали штaketник и по-киргизски говорили. Мне всегда было так страшно». Эти две ситуации имели место в совершенно разных республиках, но сюжеты их сходны. У людей возникало чувство незащищенности. Причем информанты неохотно высказывали упреки в адрес властей.

Обратим внимание на сложности, возникающие при интервьюировании семей русских мигрантов. Фактором доверия становилось то, что автор публикации сама некоторое время жила в Узбекистане и прошла через миграцию. При знакомстве с респондентами именно этот фактор делал их открытыми и разговорчивыми. Автор благодарна за проявленное доверие всем респондентам.

Одним из самых неблагоприятных факторов стала государственная политика вытеснения русского языка. Об этом говорит один из респондентов: «Но нам потом создали условия, все перешло на узбекский язык, надо было его знать, вот и мне пришлось уволиться». Шло прямое насаждение национального государственного языка, вытеснение русского. Документы были полностью переведены с русского языка, использование русского языка было запрещено. Людям было морально тяжело перестраиваться на новые условия.

Респонденты сопоставляют эти события с временами СССР, когда дружеские отношения были нормой как в общественной жизни, так и в повседневном общении. Поэтому особенно врезались в память бытовые сценки обострения отношений на межличностном уровне. Достаточно привести несколько цитат: «Вот тогда началось, до распада все друзья были, казахи, узбеки — нас такой коллектив был — нем-

цы, украинцы, армяне, турки, да там все были. Как распалось, это ужас случился для всех... Пришлось многие вещи оставить, мотоцикл, да много чего в двадцатитонник не влезли. Квартиру благоустроенную с лоджией, считай, что даже не продали»; «Местные там нас и до распада не любили. „Рыжая пошла, белый окулок“ — свинячье ухо значит, „чучка пошла“. После 1990-х годов русские стали уезжать наплывами, к 2000 году русских очень мало осталось. Мама уехала, а мой сын в 1997 году поехал сюда к бабушке, чтобы отслужить в российской армии. Специально поехал, не захотел в узбекской армии служить».

«Нас киргизы поджимали, дачу построили — дачу забрали, а ты знаешь, каким трудом мы эту дачу строили. На зиму туда никто не ездил, весной поехали — ни дачи, ни фундамента. Поехали в полицию, киргизы посылали из кабинета в кабинет, смеялись. В те года началась перестройка, заваруха вся началась. Жили же раньше, до распада, нормально, хотя это давно началось». Мотивы притеснений русских после распада СССР занимают значительное место в социальной памяти респондентов. Люди выросли на устоявшейся идее «дружбы народов». Эмоциональные жизненные истории основаны на негативном эмпирическом опыте из повседневной жизни, который как раз маркирует память жертвы прошлых событий. Об этом говорит следующая цитата: «Приехала в 2003 году. Историю могу вам рассказать одну, но это было не там, где я жила, а именно в Алма-Ате. Моя подруга, только я не буду говорить ее фамилию, моя знакомая, пришла на работу и говорит: хотите, я расскажу вам историю? А на смене была одна казашка, хорошая женщина. Ну вот она рассказывает: пошла она в магазин, купила торт, села в автобус, а народу много, впереди стояла молодая девушка-казашка, это было зимой, потому что она была в зимней одежде. А моя знакомая попросила ее передать деньги за проезд, чтобы билетик купить. Та взяла, передала, подает ей обратно и говорит: „На, русской свинье ничего не жалко!“» Женщина-респондент не хотела называть фамилию своей знакомой, что говорит о недоверчивости, которая проявляется в недосказанности либо в описании собственного опыта от имени другого человека: именно такое впечатление сложилось при общении с ней. Еще предстоит работать с местами травмы в социальной памяти мигрантов, но уже сейчас можно говорить, что опасение говорить искренне и сообщать информацию о том, что было, является особенностью социальной памяти мигрантов из постсоветских республик.

Таким образом, если рассмотреть эту тему через призму социальной памяти, можно увидеть, что, хотя сюжеты социальной памяти формировались у людей с разным социальным статусом, в раз-

ных республиках, в разное время, под влиянием разных обстоятельств, их объединяют общие черты, в том числе долговременность, передача через поколения. На основе большого пласта социальной памяти сформировалась травмированная память, и воспоминания об этих сюжетах даже спустя долгое время вызывают у людей сильные переживания и негативные эмоции.

E. I. Shadrina

Migration from Central Asia and Kazakhstan to the Altai Territory in 1990–2010 through the lens of social memory

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

Annotation. This article analyzes the process of formation and development of the social memory of migrants from Central Asia and Kazakhstan in the post-Soviet space on the basis of oral history sources created during a historical and ethnographic expedition in the Aleysky district in July 2022. When considering the current problems of migration, it was found out that the social memory of migrants from different Soviet republics is repeated in the storyline, as well as trigger points became the beginning of the formation of traumatic memory. The study revealed that such a memory lives for three generations. It was also indicated that one of the reasons for the "closeness" and silencing of this problem was the fear of speaking out publicly and ignoring the "official" history of these problems. **Keywords:** *social memory, traumatic memory, generational memory, migration, post-hard space, oral history, field research*

Источники и литература

1. Кидяева Г. В. Переселения из Центральной Азии в Алтайский край на рубеже XX–XXI вв.: из опыта работы по созданию документально-источниковой базы // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: материалы Пятой междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 24 ноября 2005 г. / редкол.: В. С. Бойко (отв. ред.), В. А. Бармин. Барнаул. 2005. Вып. 5. С. 93–99.
2. Щеглова Т. К. Устная история: учеб. пособие для студентов вузов. Барнаул: АлтГПА, 2011. с. 42.
3. Шнирельман В. А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 17–18.
4. Хаттон П. Х. История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2003. 422 с.